

ОСТРОВНЫЕ ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИЕ ДИАЛЕКТЫ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ

В последнее время усиливается внимание к славянским островным диалектам, свидетельством чего является, в частности, выход в свет польского коллективного труда [Słowiańskie wyspy... 2013] и монографии А. А. Плотниковой [Плотникова 2016], в которых понятие «островной ареал» используется не только в лингвистическом, но и в этнолингвистическом аспекте.

Западнославянские островные диалекты в России представлены польскими и чешскими говорами. Описание этих островных диалектов (т. е. образующих отдельные анклавы, существующие в условиях иноязычного — в данном случае русского — окружения) включает в себя решение трехчастного комплекса задач типологического характера:

1. установление типа миграционного процесса, в результате которого возник данный анклав;
2. лингвистическое описание говоров, репрезентирующих выделенные анклавы;
3. выявление закономерностей взаимодействия западославянских островных диалектов с русским идиомом, в окружении которого они функционируют.

Как показало изучение современных западославянских говоров на территории России, причины их образования (тип миграции) сходны для польских и чешских анклавов. Во всех случаях это была миграция, имевшая добровольный и экономический характер. Переселение происходило из районов, где у крестьян было мало земли или ее вообще не было, а также вследствие безработицы. Так, один из польских анклавов в Сибири (д. Вершина Боханского р-на Иркутской обл.)

*Наталья Евгеньевна Ананьева,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва)*

*Сергей Сергеевич Скорвид,
Российский государственный гуманитарный университет,
Институт славяноведения РАН (Москва)*

возник в результате переселения сюда утративших работу из-за кризиса 1905 г. жителей Домбровского угольного бассейна, относящегося исторически к Малой Польше, а в настоящее время — к Силезии. Добровольный характер миграции польского населения в Сибирь отличает ее, например, от принудительного перемещения носителей польских говоров с территории Украины в Казахстан в конце 30-х годов XX в., когда, в частности, возникли польские села Озерное и Степное под Кокчетавом (совр. Кокчетаяу).

Миграция с «материнских» территорий носителей западнославянских островных диалектов в России не была связана с причинами конфессионального характера (в отличие, например, от переселения русских старообрядцев в Польшу, в Латгалию или в Латинскую Америку). Большинство чешских и польских переселенцев исповедовали католицизм. Вследствие закрытия в 30-е годы XX в. костелов многие их потомки (например, старшее и среднее поколение поляков в д. Вершина) стали атеистами. В 90-е годы XX в. начинается возрождение польских католических приходов, восстанавливаются старые, построенные еще первыми переселенцами костелы (св. Станислава в Вершине, св. Антония в д. Белосток Кривошеинского р-на Томской обл. — последний, к сожалению, в 2017 г. сгорел). В силу незнания местными жителями латиницы распространяемые среди населения тексты католических молитв могли записываться кириллицей: например у чехов в Омской обл. и у поляков в д. Вершина¹.

Исключение из стереотипного представления о поляке как о католике составляют жители дд. Знаменка и Александровка в Западной Сибири — потомки переселенцев с традиционно протестантских территорий в бывшей Восточной Пруссии. Первоначально лютеране, они в период после Второй мировой войны массово переходили в баптизм.

Много общего между польскими и чешскими островными диалектами выявляет изучение их взаимодействия с русским языком в его литературной и диалектной формах. В отличие от современных западнославянских диалектов, функционирующих на исконной территории, которые испытывают воздействие соответствующего — идентичного им по своей языковой основе — литературного языка либо других диалектов того же этнического языка (*гомогенный* тип контакта), на островные западнославянские говоры влияет иноязычный, хотя и близкородственный идиом (*гетерогенный* тип контакта). Конкретный материал, приводимый ниже, демонстрирует сходство результатов данного гетерогенного типа контакта для польских и чешских островных говоров.

¹ О функционировании польских молитвенных текстов на гражданском варианте кириллицы см. [Ananiewa 2013].

В данной работе впервые предлагается конфронтативное описание польских и чешских переселенческих говоров на территории России с выявлением их исторической «прародины».

I

Польские анклавы на территории России представлены в сибирском регионе. На сегодняшний день выявлены три типа островных польских говоров, предки носителей которых переселились в Сибирь из разных частей Польши, с чем связаны и их лингвистические характеристики. Первый тип относится к северо-восточной разновидности польского периферийного диалекта, образовавшейся на белорусско-литовской территории с участием восточнославянского и балтийского элементов (остатки такого диалекта сохранились в д. Белосток; судя по отдельным лексемам, такая же разновидность польского языка функционировала некогда в д. Малиновка под Барнаулом). Второй тип — это генетически юго-западный, малопольско-силезский диалект д. Вершина, носители которого численностью до 200 чел. являются, как было указано, потомками переселенцев из района Домбровского угольного бассейна. Третий территориально-лингвистический тип представлен насчитывающим около 60 носителей диалектом дд. Знаменка и Александровка, находящихся на противоположных берегах реки Енисей и отстоящих друг от друга на 80 км (административно Знаменка относится к Хакасии, а Александровка — к Красноярскому краю). По происхождению это мазурский диалект — один из северо-восточных говоров мазовецкой группы.

Польские диалектные анклавы в Сибири начали возникать со второй половины XIX в. Так, одно из старейших в Сибири польских поселений д. Александровка образовалось в 1897 г., а д. Вершина — в 1910 г. Из Александровки вследствие причин социально-экономического характера большая часть носителей польского диалекта после Второй мировой войны переселилась в ранее русскоязычную д. Знаменка, которая с этого времени также является составляющей полонязычного анклава.

Ряд информантов утверждает, что до поселения в Александровке их предки некоторое время проживали на территории Вольни и Подолья, однако сколько-нибудь заметных следов их контакта с украинским языковым окружением (возможно, вследствие непродолжительности пребывания носителей мазурского диалекта на Украине или замкнутого характера их сообщества) не обнаружено. Зато в речи жителей Знаменки-Александровки отражены, главным образом в лексике, результаты длительных контактов с немецким идиомом, возникших еще на территории распространения «материнского» диалекта в Пруссии и

продолжавшихся на новом месте проживания, куда вместе с мазурами переселялись и носители немецких диалектов. Появление в Сибири смешанных польско-немецких браков также создавало благоприятные условия для такого взаимодействия.

Северо-восточная разновидность периферийного (так называемого кресового) польского диалекта, реликтом которой является идиолект жительницы д. Белосток М. Маркиш, подробно описана в литературе, поэтому мы здесь ограничимся лишь констатацией того факта, что некоторые польские островные диалекты в Сибири (например белостокский) относятся к данному типу². Особенности вершинского и знаменско-александровского говоров с конца 90-х годов XX в. также стали предметом анализа в ряде публикаций (например [Гольцекер 1989; Гольцекер 1991; Decyk 1995; Decyk 1997; Figura 2003; Пасько 2011; Głuszkowski 2011; Ананьева 2011; Ananiewa 2012; Ананьева 2013а; 2013б; 2015; Ananiewa 2015; Stupiński 2008; Stupiński 2009а; Umińska 2013]), а о говоре д. Вершина даже издана монография [Mitrenga-Ulitina 2015], где описывается прежде всего его синхронное состояние. Фонетические особенности говора Александровки и Знаменки как идиома мазурского типа исследовал в своей кандидатской диссертации Е. Ступинский [Stupiński 2009b].

В говорах переселенцев с этнически польских территорий нас в первую очередь интересуют признаки «материнского» диалекта, которые и позволяют определить генетический тип говора. Южнопольский диалект д. Вершина и севернопольский говор дд. Знаменка и Александровка дают богатый материал для конфронтативного описания этих диалектов с опорой на шкалу дифференциальных признаков К. Нитча, релевантную для старых племенных диалектов, однако не существенную для «кресовых» говоров. При сопоставлении мы учитываем не только фонетические признаки, но также некоторые морфологические, словообразовательные и лексические особенности. В ходе анализа мы опираемся на материал, записанный в д. Вершина в 2010 г. и в Знаменке-Александровке в 2013 г. Мы также используем данные из обширного текстового приложения к диссертации Е. Ступинского, снабжая их ссылкой на работу или ставя букву С. после приведенного примера.

Как в Вершине, так и в Знаменке-Александровке на польском диалекте говорят в основном представители старшего и среднего поколений. Все они билингвы: владеют польским и русским языками, что способствует их частому переходу в ходе беседы с интервьюером с одного языкового кода на другой и функционированию в их польской речи значительного числа русскоязычных цитат.

² Об отдельных «кресовых» чертах в речи единственной в настоящее время носительницы польского белостокского диалекта М. Маркиш см. также [Ананьева 2013б].

Дети общаются между собой по-русски. Не случайно, что записи Е. Ступинского из Знаменки и Александровки получены от 33 носителей (большой частью носительниц) диалекта в возрасте от 50 до 91 года, за исключением единственной восемнадцатилетней информантки [Stupiński 2009b: 16]. Приведем высказывание одной из собеседниц Е. Ступинского о том, что дети не говорят по-польски, хотя и понимают польский язык, (причем речь самой диалектоносительницы также изобилует русизмами)³: *no u nas v deřevně vosnovn'om gadajaŋo na ruskim ižyku. no ješli mi fstřecami Polakuf, s Polakami gadaŋi po polsku. moje žeči uŋi poimovajŋo po polsku. uni tak ŋe isp'olzujut ižyky, no ješli mi opš'aimša, to uni poŋimajut ten ižyky. vosnovn'om uni na ruskom ižyku i na tym ižyku...* [Stupiński 2009b: 225].

Эта ситуация свидетельствует о том, что в будущем полноязычные анклавы в д. Вершина и дд. Знаменка-Александровка могут исчезнуть, разделив судьбу белостокского говора и других польских говоров за пределами Польши (например польского говора с. Поляцкое под Николаевом на Украине, о котором в настоящее время напоминает только комоним [Anapiewa 2007], или целого ряда польских сибирских сел). Так, С. Леончик, занимающийся историей образования польских анклавов в Сибири, отмечает, что из 59 польских сел «до настоящего дня сохранилось семь» [Новая Польша 2017, № 7–8: 31]. Такое положение дел стимулирует к скорейшему обследованию других сибирских пунктов, в которых проживало (или проживает?) полноязычное население. Кроме обследованных Александровки, Знаменки, Вершины и Белостока, С. Леончик упоминает также Виленку и Канок в Красноярском крае и Десподзиновку в Омской обл.

Перейдем непосредственно к фронтативному описанию польских диалектов д. Вершина и дд. Знаменка и Александровка, локализующихся в Восточной и в Западной Сибири (сокращенно ВСПв и ЗСПз/а). При этом используемые нами далее определения «южный», «юго-западный», «малопольско-силезкий» для ВСПв и «северный», «северо-восточный», «мазовецкий», «мазурский» для ЗСПз/а будут относиться к их генетической характеристике.

³ Фрагменты записей и примеры Е. Ступинского даются в авторской транскрипции. В других случаях применяется транскрипция, традиционная для записи польских и — во второй части работы — чешских диалектных текстов с некоторыми отступлениями. В частности, мягкость согласных в польских примерах передается, как правило, надстрочным знаком, за исключением *ł, ł', d', s' z'*, а в чешских — последовательно апострофом; это касается и записи *n'* (в польских примерах — соответственно *ń*). Ударение обозначается знаком ¹ перед ударным гласным, главным образом в русизмах и в некоторых других словах, где его место отличается от регулярного (на предпоследнем слоге в польских говорах и на первом в чешских).

1. В ВСПв представлен гласный *o*, возникший на месте **ā*, а также в результате аналогических процессов: *trova* — лит. trawa ‘трава’, *cytom* — лит. czytam ‘я читаю’, *jo* — лит. ja ‘я’, *tyle lot* — лит. tyle lat ‘столько лет’, *copki* — лит. czapki ‘шапки’, *mo tam syna* — лит. ma tam syna ‘у нее там сын’, *dovno* — лит. dawno ‘давно’, *dovnij* — лит. dawniej ‘раньше’, *v gorku* — лит. w garnku ‘в горшке, в кастрюле’, *zbiromy* — лит. zbieramy ‘мы собираем’, *meškoće* — лит. mieszkacie ‘вы живете, проживаете’, *pocekojće* — лит. poczekaćcie ‘подождите’, *določ* — лит. dolać ‘долить’, *pňok* — лит. pniak ‘пень’, *ľoska* — лит. laska ‘палка’, *čostka* — лит. ciastka ‘пирожные, печенье’, *pokože* — лит. pokažę ‘я покажу’, *zočirka* — лит. zacierka ‘похлебка из кусочков теста, сваренных в воде или в молоке’, *kšok* — лит. krzak ‘куст’, *žiko* — лит. dzika ‘дикая’ (ср. в названии растения *žiko fša*), *bapsko* — лит. babska ‘женская’, *Novok (Novoki sum)* — лит. Nowak (фамилия) и мн. др. В ЗСПз/а континуанты **ǣ* и **ā* в подавляющем большинстве случаев слились в звуке *a*: *ja* = лит. ja, *lat* = лит. lat, *potagam* = лит. pomagam ‘я помогаю’, *gada* = лит. gada ‘разговаривает’, ‘болтает’ и т. п.

Разная континуация **ǣ* и **ā* в ВСПв и ЗСПз/а приводит также к дифференциации в них морфологических и словообразовательных показателей: например, вокалических компонентов презентных показателей глаголов, соответствующих глаголам *am*-спряжения литературного языка (ср. в ВСПв *cytom* // *cytum* — о переходе *oN* = *uN* см. ниже; *cyto* — *cyta* и т. д.), или феминативных суффиксов, с помощью которых образуются фамилии женщин от фамилии или имени мужа (ВСПв: *Sojino* — от *Soja*, *Myckovo* — от *Mycek*; ЗСПз/а: *Kruskova*, *Syskova*).

2. В обоих говорах отмечается гласный *i* или *y*, возникший на месте **ē* и как результат аналогии, а также представлено сужение *e* перед носовым согласным. Примеры: *dopiro* — лит. dopiero ‘только’, *piñinzy* — лит. piñiedzy (род. мн.) ‘денег’, *jo ne vim* — лит. ja nie wiem ‘я не знаю’, *žin* — лит. dzień ‘день’, *xlip* // *xlyp* — лит. chleb ‘хлеб’, *ožyñil se* — лит. oženil się ‘женился’, *tyš* — лит. też ‘также’, *tyñ* — лит. ten ‘этот’ (ВСПв); *ni ma* (// *ne*) ‘нет, букв. не имеет’, *xlip* — лит. chleb ‘хлеб’, *jicta* — лит. jedzcie ‘ешьте’, *bžidno* — лит. biednie ‘бедно’, *špšivac* — лит. śpiewać ‘петь’, *kobžyta* — лит. kobieta ‘женщина’, *viñta* — лит. wieście ‘вы знаете’, *mliko* — лит. mleko ‘молоко’, *žyka* — лит. rzeka ‘река’, *drugigo* — лит. drugiego ‘второго’ — ср. формальный русский аналог *другого*, *šidym* — лит. siedem ‘семь’ (ЗСПз/а).

Утверждение Е. Ступинского о преобладании в ЗСПз/а «*e* чистого» (польск. *e jasne*) на месте как старопольского *ē*, так и старопольского *ě*, для континуанта *ē* нам не представляется корректным, тем более что сам он приводит отнюдь не малочисленные примеры с *y/i/yⁱ/e^o/eⁱ* на месте **ē* [Stupinśki 2009b: 29–31].

3. Континуанты **ō*, а также *o* перед носовым согласным в обоих сопоставляемых диалектах имеют суженный характер: *dum* — лит. dom ‘дом’, *do dumu* — лит. do domu ‘домой’, *f tym dumu* — лит. w tym domu ‘в этом доме’, *na kuñax* — лит. na koniach ‘на лошадях’, *po tej struñe* — лит. po tej stronie ‘по этой стороне’, *tumu* — лит. mamy ‘мы имеем, у нас есть’ и *tum* ‘я имею, у меня есть’ (в последних двух случаях **ā* > *o* > *u* перед носовым согласным; то же отмечается и в других глаголах диалектного *om*-спряжения: *naživum* — лит. nadziewam ‘надеваю’ и т. п.), *un* — лит. on ‘он’, *una* — лит. ona ‘она’, *uny* — архаизм ony ‘они’, *f tamtym kuñcu* — лит. w tamtym końcu ‘в том конце’, *na kuñcu* — лит. na końcu ‘на конце’, *kumu zešyū* — лит. komu uszył ‘кому шил’ (ВСПв); *dum* (v *dumu*), *un*, *una*, *uñi*, *strunuf* — лит. stron ‘сторон’, *kuñ* — лит. koń ‘конь, лошадь’ (ЗСПз/а).

Отмечается также сужение *o* после заднеязычных и губных согласных: *pōxovany* — лит. pochowany ‘похороненный’, *vujuvał* — лит. wojował ‘воевал’ (ВСПв); *Pōl’acka* ‘полька’ (ср. рус. разг. *полячка*, польск. лит. Polka), *Pōl’ak* — лит. Polak ‘поляк’, *pōmagam* — лит. pomagam ‘я помогаю’, *kōl’et* ‘котлета’ (ЗСПз/а).

4. В обоих диалектах представлены суженные континуанты носовых гласных, причем в ВСПв отмечена обычная репрезентация конечного континуанта носового заднего ряда бифонемным сочетанием *-um* (реже *-un* или *-o*). Примеры из ВСПв: *řihñzū*, v *rynkañ* — лит. w rękach ‘в руках’, *miñke* — лит. miękkie ‘мягкие’, *fevra’la mešunca* — лит. mėsiąsa lutego ‘февраля месяца’, *uny gryzum // gryzun* — лит. one gryžą ‘они кусаются’, *pšyvézum* — лит. przywiozą ‘привезут’, *sum* — лит. są ‘суть, являются’, *žimum* — лит. zimą ‘зимой’, *kuxarko byla* — лит. kucharka była ‘была кухаркой’, *gunski nazyvajo* ‘гусеницами называют’ — лит. gąski (иное значение) nazywają; из ЗСПз/а: *mešunc* — лит. mėsiąc ‘месяц’, *žecōntko* — лит. dzieciątko ‘ребенок’, *skōnt* — лит. skąd ‘откуда’, *robžo* — лит. robią ‘делают’, *krašu* — лит. устар. kraszą ‘красят’, *su* — лит. są ‘суть’, *pol’ovajo* — лит. polewają ‘поливают’, *beñžeta* — лит. będziecie ‘будете’, *žešeñć* — лит. dziesięć ‘десять’, *jenzyk // ižyk* — лит. język ‘язык’, *žencej* — лит. więcej ‘больше’, *švęnta // švyn̄ta* — лит. święta ‘праздники’, на *miñso* — лит. na mięso ‘на мясо’. В конце слова континуант носового переднего ряда в обоих говорах обычно представлен в виде *-e*: вин. п. ед. ч. *trove* — лит. trawę ‘траву’, 1 л. ед. ч. презенса *hoze* — лит. chodzę ‘я хожу’ (ВСПв); вин. п. ед. ч. *pušñine* ‘пушнину’ (русизм), *troxe* — лит. trochę ‘немного’, *tam šę rožila ja* — лит. tam się urodziłam ‘я там родилась’, *ja pokaze* — лит. pokażę ‘я покажу’, *prose* — лит. proszę ‘я прошу; пожалуйста’ (ЗСПз/а).

Если в ВСПв повсеместны полидиалектные (в том числе и малопольские) претеритальные формы глаголов на *-(n)ąć* типа *vžun* — лит.

wziął, *vžena* — лит. *wzięła, vžėni* — лит. *wzięli* ‘взял, взяла, взяли’, то в ЗСПз/а зафиксированы только аналоги форм литературного языка.

В ВСПв, с одной стороны, представлено обычное отсутствие ринезма в парадигме будущего времени глагола *być* ‘быть’ (*byde, byżeś* — лит. *będe, będziesz*), а с другой — формы с вторичной (неэтимологической) носовостью типа *jinžoro* — лит. *jeziogo* ‘озеро’, *jangres* — лит. *agrest* ‘крыжовник’, *antrament* — лит. *atrament* ‘чернила’, *myntopyš* — лит. *pietoperz* ‘летучая мышь, нетопырь’. В ЗСПз/а функционируют как формы с носовым в корне парадигмы будущего времени глагола *być*, так и без ринезма (ср. *bežeta robžić* С.). Вторичная носовость зафиксирована только в лексеме *mentryka* (С.) — лит. *metryka* ‘метрика, метрическое свидетельство’.

5. Если в ВСПв различаются *i* и *y*, то в ЗСПз/а представлена типичная черта диалектов севера Польши: слияние *i* и *y* в одном звуке, который имеет разную степень сужения по идиолектам (*i, y*). Гласный *y* отмечается на месте **ē*. Примеры: *skont vi?* — лит. *skąd wy?* ‘откуда вы?’, *mi* — лит. *my* ‘мы’, *sin* — лит. *syn* ‘сын’, *duzi* — лит. *duży* ‘большой’, *pliva* — лит. *pływa* ‘плавает’. Эта особенность влияет на вид флексии 1 л. мн. ч. презенса глаголов ам-спряжения (-*ami*: *sazami* ‘сажаем’, *visazami* ‘высаживаем’, *zabacami* ‘забываем’, *kupami* ‘покупаем’ — польск. лит. *kuپیjemy*).

В ЗСПз/а, далее, отмечается такая полидиалектная особенность, как расширение этимологического *i* перед носовыми согласными и *l, l:* *jem* — лит. *im* ‘им’, *drugėmi* — лит. *drugimi* ‘другими’, *kupšėca* — лит. *kuپیła* ‘купила’ (С.). Представлены также отдельные случаи изменения *i* в *e* перед другими консонантами (например, перед *x*: *ix* — лит. *ich* ‘их’, *u nex* — лит. *u nich* ‘у них’, *tex* — лит. *tuch*, возможно, под влиянием адаптировавшегося в диалекте русизма *fšex* ‘всех’).

Помимо того в ЗСПз/а зафиксирован широко известный на этнически польской территории переход *i/y* в *u* перед *ц* в глагольных формах 3 л. ед.ч. м. р. прошедшего времени (*buц* — лит. *był*, *robžuu* — лит. *robił*, но *byli, robžili, byца, robžiца*).

6. Если в ВСПв представлен совпадающий с литературным способ артикуляции палатального ряда губных (синхронная йотовая артикуляция или выделение *j* после губного), то в ЗСПз/а фиксируется последняя стадия асинхронного типа произношения, при которой фрикативный призвук или отвердевает, или становится единственным континуантом губного палатального (т. е. губная артикуляция утрачивается). Примеры: *kšaty* — лит. *kwiaty* ‘цветы’, *kobžyta* — лит. *kobieta* ‘женщина’, *Želganoc* — лит. *Wielkanoc* ‘Пасха’, *žadro* — лит. *wiadro* ‘ведро’, *žencej* — лит. *więcej* ‘больше’, *žeńa* — лит. *ziemia* ‘земля’, *pañentam* — лит. *pamiętam* ‘я помню’, *pšyżezli* — лит. *przywieźli* ‘привезли’, *muži* — лит. *mówi* ‘говорит’, *ńau* — лит. *miał* ‘имел’, *gotožym*

(русизм 'готовим' — польск. лит. *gotujemy*). Эта особенность не только повлияла на звуковой облик слов, но и повлекла за собой морфологические и морфонологические последствия: функционирование флексии дат. п. ед. ч. м. р. *-ožu < -oўc* (в текстах Е. Ступинского однократно отмечено и окончание *-oži: cjožekoži* С. из *-ovi*) и чередования «твердый губной : *ž*» и «твердый губной : *š*» в парадигме существительных твердой разновидности перед флексией местн. п. ед. ч. *-e* (а у существительных ж. р. и дат. п. ед. ч.): *Moskva ~ v Moskše* (ср.: *v Moskše to kupata mliko?* 'в Москве вы покупаете молоко?'), *krova ~ krože* (ср.: *po jednej krože tšimali* 'по одной корове держали', *na svojej krože* 'на своей корове' С.), *v nebže* 'в небе' С., *f klubže* 'в клубе', *f cerkši* 'в церкви', *na stepše* 'в степи' С., *v izbže* 'в избе' С., *f Soubže* 'в Солбе' С. (от топонима *Souba*) и т. п. Отмечена также характерная для мазовецких говоров с асинхронным типом произношения палатального ряда губных форма с парадоксальным отвердением *v* в группе **s'v'*: *švyn̄ta* — лит. *švięta, šfyn̄a* С. — лит. *šwinia* 'свинья'.

7. Нарушение оппозиции консонантных рядов *s z c ʒ, š ž č ʒ* и *ś ź ċ ʒ* представлено в обоих диалектах, хотя в ВСПв — в минимальном объеме. Здесь речь идет лишь о функционировании *s* в соответствии с лит. *č* (частичное мазурение, или цеканье): *copka* — лит. *czarka* 'шапка', *vnucka* — лит. *wnuczka* 'внучка' и т. д. Лексикализованные формы *Kustos* (фамилия), *zur* — лит. *žur* 'суп на мучной закваске' и *zarnu* — лит. *żarna* 'жернов' свидетельствуют о некогда более широком распространении мазурения в данном говоре. В ЗСПз/а фиксируются разнообразные нарушения оппозиции трех рядов: 1) полное мазурение — *s, z, c, ʒ* в соответствии с лит. *š, ž, č, ʒ* (*prose* — лит. *proszę, może* — лит. *może* 'может', *duzo* — лит. *dużo* 'много', *ja pokaze* — лит. *okaże, zijo* — лит. *żyją* 'живут', *zabacili jenzyk* — лит. *zapomnieli język* 'забыли язык', в диалектах без мазурения *zabaczyli, obacita* — лит. *zobaczycie* 'увидите', *vnucka* — лит. *wnuczka* и т. п.); 2) «шаканье» — наличие твердых (или полумягких) *š* и *ž* на месте *ź* и *ś*: *šostr̄a* — лит. *siostra* 'сестра', русизм *fšo, fše* 'всё', 'все', *špševajo* — лит. *špiewaja* 'поют', *še* — лит. *się* '-ся, -сь', *zaleže* — лит. *zalezie* 'залезет', *ženi* — лит. *ziemi* 'земли', реже встречается *ʒ* на месте *ź* (*žęšęńć* — лит. *dziesięć* 'десять'); 3) в качестве лексикализованного Е. Ступинский отмечает явление «сяканья» (*ć ś ź ʒ* на месте *č š ž ʒ*), объясняя его сочетанием черт мазовецкого говора и русского идиома [Stupiński 2009b: 77–78]. Как системное явление «сяканье» характерно для немазуракающих мальборкско-любавского и вармийско-острудского диалектов.

Таким образом, несмотря на мазурение, в ЗСПз/а наблюдается довольно высокая частотность звуков *ž* и *š*, появляющихся в результате асинхронного типа произношения палатальных губных и «шаканья», на месте **ř*, а также в заимствованиях (ср. германизм *šurek* 'мальчик'

или русизм *daže*). Системное мазурение в ЗСПз/а приводит к таким морфологическим последствиям, как, например, функционирование флексий 2 л. ед. ч. презенса *-es, -is, -as* (ср.: *pojażes* — лит. *pojedziesz* ‘поедешь’, *mużis* — лит. *mówisz* ‘говоришь’ и т. д.).

8. Спорадически в ЗСПз/а отмечается архаическое сохранение вибранта в континуанте **r*: *r̥ši* — лит. *trzy* ‘три’, *p̥šet* — лит. *przed* ‘перед’ и т. п. В ВСПв подобных примеров не зафиксировано.

9. Звонкому типу сандхи в ВСПв (в том числе в генетически составных формах типа *jezdem* — лит. *jestem* ‘я есть’, *nuzem* — лит. *nie jestem* ‘я не ес’) соответствует глухой тип сандхи в ЗСПз/а, совпадающий с типом межсловной фонетики литературного польского языка. Форма *jezdem* отмечена в текстах Е. Ступинского, но в религиозном стихотворном произведении, что не может быть показателем ее местного происхождения (*nie jezdem ja zaden prorok, a jezdem z neba, pravzi Buk* ‘я не пророк, я — с неба истинный Бог’ [Stupiński 2009b: 250]).

10. Хотя и в ЗСПз/а встречаются отдельные случаи выпадения согласных (ср. *tera* — лит. *teraz* ‘сейчас’, *jena* — лит. *jedna* ‘одна’, *pšinz* С. — лит. *pieniędzy* ‘денег’), тем не менее в ВСПв это явление представлено гораздо шире. Особенно часто оно отмечается для согласного *ł*: *xop* — лит. *chłop*, здесь ‘муж’, *sup* — лит. *stół* ‘столб’.

11. Если в ВСПв отсутствует чередование *e* : *o* (*metla* — лит. *miotła* ‘метла’, *jedła* — лит. *jodła* ‘ель’, *berē* — лит. *biore* ‘я беру’, *berum* — лит. *biorą* ‘берут’, *nese* — лит. *nieś* ‘я несу’, *nesum* — лит. *nieś*, 2 л. ед. ч. императива *ber!* — лит. *bierz!* ‘бери!’), то в ЗСПз/а это чередование распространено даже шире, чем в литературном языке. Альтернант *o* здесь представлен не только перед *t, d, s, z, n, r, ł*, но и перед *k*: *pšoke* — лит. *piekę* ‘я пеку’, *pšeces* — лит. *pieczesz* ‘ты печешь’, *pšece* — лит. *piecze* ‘печет’, *pšeceta* — лит. *pieczecie* ‘вы печете’, *pšoko* — лит. *pieką* ‘пекут’; ср. также *oblovajo* — лит. *oblewają* ‘обливают’ (лексически изолированный случай). С другой стороны, в ЗСПз/а отмечаются отдельные примеры с отсутствием чередования *e* : *a*, например, в парадигме наст.-буд. времени глагола *jechać* и производных от него префиксальных глаголов: 2 л. ед. ч. *pojażes* — лит. *pojedziesz* ‘поедешь’, 3 л. ед. ч. *pšujaže* — лит. *przyjedzie* ‘приедет’, *dojaže* — лит. *dojedzie* ‘доедет’, *pojaže* — лит. *pojedzie* ‘поедет’, 1 л. мн. ч. *pojažet* — лит. *pojedziemy* ‘поедем’ и т. д. В субстантивной парадигме возможно наличие во всех словоформах другого члена чередования *e* : *a* (ср.: *obžet* — лит. *obiad* ~ по *obžeže*, *žedro* — лит. *wiadro* ‘ведро’ ~ в *žedže*). Впрочем, в этих случаях мы имеем дело, скорее всего, не с результатом аналогического обобщения по основе предложного падежа ед. ч., а с заимствованием гласного из рус. *ведро* и *обед*. Формы *žedro* и *obžet* функционируют наряду с закономерными для ЗСПз/а формами *žadro* и *obžat*.

12. В ЗСПз/а отмечена также типичная для мазовецких говоров форма *śeł'i* — лит. *sialī* ‘сеяли’ (с неэтимологическим *e* на месте стяженной группы **-ĕja-*). В ВСПв ей соответствует форма *sol'i* (с *o* на месте **ā*).

13. В ЗСПз/а зафиксированы формы с мягкими *g* и *k* перед континуантом носового переднего ряда: *moǵe* — лит. *moǵe* ‘я могу’, вин. п. *Polacke* — лит. *Polkę* ‘польку’ (‘полячку’), *vutkė* С. — лит. *wódkę* ‘водку’, местн. п. *v Aleksandrofke* С. — лит. *do Aleksandrowki* ‘в Александровку’ и т. п.), что является характерной мазовецкой чертой. В ВСПв перед континуантом носового переднего ряда *g* и *k* твердые (ср. *moge*, вин. п. *muņke* — лит. *maķę* ‘муку’, *loske* — лит. *laskę* ‘палку’).

14. В ЗСПз/а отмечаются типичные мазовецкие формы с сужением *a* в *e* после *j* (*jek* — лит. *jak* ‘как’, *jeķi* — лит. *jaki* ‘какой’, *jepko* — лит. *jablko* ‘яблоко’) и в группе *ar* (*pomer*, *pomerli* — лит. *romarł*, *romarli* ‘умер, умерли’). Ср. также *ryno* — лит. *rapo* ‘утро, утром’, где *eN* > *yN*.

15. Типично севернопольскому употреблению числительного *dva* для всех родов в ЗСПз/а (*dva šostry* ‘две сестры’, *dva gożiny* ‘два часа’, *dva neżeli* ‘две недели’, *dva curki* ‘две дочери’, *dva żyki* ‘две реки’ и *dva domi* ‘два дома’, *dva braty* ‘два брата’, *dva źeci* ‘двое детей’) в ВСПв соответствует совпадающая с ситуацией в литературном языке оппозиция *dva* (м. и ср. р.) ~ *dve* (ж. р.): *dve curki*.

16. Наличие специфических морфем.

1) Характерной для мазовецких говоров флексии дат. п. ед. ч. м. р. контакминационного происхождения *-ožu* (*u* из **ō*-основ, сегмент *ož* < *oŭ* из **ŭ*-основ) в ЗСПз/а (*ojcožu* ‘отцу’, *šurkožu* ‘мальчику’) в ВСПв соответствует совпадающая с литературной флексия **ŭ*-основ *-oŭi* (*pastuxoŭi* ‘пастуху’, *tatoŭi* ‘папе’, *kšenzoŭi* ‘ксендзу’, *biskupoŭi* ‘епископу’). В обоих диалектах наряду с флексиями *-ožu* или *-oŭi* употребляется окончание *-u*.

2) Представленному в ВСПв итеративному суффиксу *-uva-* (< *ova*) в ЗСПз/а соответствует *-iva-* (*zapisuvać* × *zapisivać*).

3) В ЗСПз/а отсутствуют образования с суффиксом *-k* типа *do teraska* ‘до настоящего времени’ (от *teraz* ‘сейчас’), характерные для ВСПв.

4) Глагольные окончания презенса и императива в 1 л. мн. ч. и 2 л. мн. ч.

В ВСПв в 1 л. мн. ч. выступает во всех типах спряжения флексия *-my* (*my* — лит. *my* ‘мы имеем, у нас есть’, *kuřujimy* — лит. *kuřujemy* ‘мы покупаем’, *gotovimy* ‘мы готовим’, польск. лит. *gotujemy*), а в ЗСПз/а флексии дифференцируются в зависимости от типа спряжения: глаголы, соответствующие глаголам 1 и 2 спряжений литературного языка, имеют флексию *-m* (*gotožym* ‘мы готовим’,

potujim — лит. *potujemy* ‘мы помоем’, *važym* — лит. *warzummy* ‘мы варим’, *my šezim razem* — лит. *gazem siedzimy* ‘мы сидим вместе’, *nie żyjym* — лит. *nie żyjemy* ‘мы не живем’ и т. п.), а глаголы ам-спряжения и ем-спряжения — флексии *-ami* и *-emi* (*kupami* ‘мы покупаем’, *visazami* — лит. *wysadzamy* ‘мы высаживаем’, *žemi* — лит. *wiemy* ‘мы знаем’ и т. д.). Во 2-м лице мн. ч. презенса и императива в ВСПв представлена совпадающая с флексией литературного языка морфема *-će*, а в ЗСПз/а — окончание *-ta* (*kupata* ‘вы покупаете’, польск. лит. *kupujecie*, *vita* — лит. *wiecie* ‘вы знаете’, *pšuxoćta* — лит. *przychodźcie* ‘приходите’, *hoćta* — лит. *chodźcie* ‘идите’, *jic̄ta* — лит. *jedzcie* ‘ешьте’, *poprubujta* — лит. *porpóbuojcie* ‘попробуйте’ и т. д.).

17. К полидиалектным явлениям относится отсутствие в обоих сопоставляемых говорах категории мужского лица. Различие касается форм множественного числа употребляемого в функции форм прошедшего времени генетического причастия на *l* / *l*. Если в ЗСПз/а со всеми существительными употребляются обычно генетические маскулинные формы (*byli*, *chożili* и т. д.), то в ВСПв представлена конкуренция этих форм с генетическими формами женского рода (*były*, *chożily*). Какой-либо закономерности в распределении этих форм не обнаружено.

18. В каждом из сопоставляемых диалектных анклавов сохранились также типичные лексемы, восходящие к их «материнским» диалектам, в том числе и заимствованные. Малопольские лексемы *xabina* ‘ветка’, *gażina* ‘скот, скотина’, *kaj* ‘где, куда’, *kej* ‘когда’ (и образованные от них неопределенные наречия *kajś* и *kejś*), *tatarcka* ‘гречиха’, малопольско-силезская *żoґца* ‘девочка, девушка’, полидиалектный (в том числе и малопольский) архаизм *bez* — лит. *przez* ‘через’, словакизмы *цохуґе* ‘голубика’, *rusy* ‘тараканы’, *modżyn* ‘лиственница’, германизмы *buґk* ‘внебрачный ребенок’ и *fest* ‘крепко, сильно; быстро’, *Lejki* — второй день Пасхи (польск. *lany poniedziałek*), название блюда *pażibroda* ‘капуста, приготовленная на молоке’, *plaxta* ‘простыня’, *laxu* ‘белье’, *gunska* ‘гусеница’ и др. распространены в ВСПв. Лексемы *kokosa* ‘курица’ (< *kokosz*), *bencyk* ‘живот’, *prosek* ‘приглашающий на свадьбу’ (< *proszek*), *zabacać* ‘забывать’, *fґuґk* — лит. *wciaż* ‘постоянно’, *tlo* ‘только’, *xexlać* ‘стирать’ (ср. *še višexlami* [Stupiński 2009b: 209], диалектные архаизмы (некогда известные и литературному польскому языку) *šila* ‘много’, *šizo* — устар. лит. *hyžo* ‘быстро’, *pólbrat* ‘единоутробный брат’, *obacić* ‘увидеть’, *ostać* ‘(о)стать(ся)’, многочисленные локальные германизмы характерны для ЗСПз/а. О лексических германизмах *gruska* ‘бабушка’, *gruzek* ‘дедушка’, *šurek* ‘мальчик’, *šrank* ‘шкаф’, *rebiska* ‘терка’, *rybovać* ‘тереть’ и *rybaki* ‘драники’, *brak* ‘надо’, *jo* ‘да’, *gafla* // *galfa* ‘вилка’ в этом говоре см. [Ananiewa 2015]. Изучение записей Е. Ступинского позволяет расширить их перечень такими лексемами, как *špruxi* ‘устные тексты, в том числе и молитвы’

(от нем. Spruch ‘изречение’), ср. более полонизированные варианты: *tata mĕ nauuciĭa po polsku spruxi* [Stupiński 2009b: 205], *spro“ski fšake roskazivali tam* [там же: 217]), *beuĭ* ‘пузо, живот’ (от нем. Balg ‘кожаный мешок; брюхо, пузо’), ср. *taki beuĭ nau* [там же: 211], *vuřŝti* ‘колбасы’ (нем. Wurst ‘колбаса’), *lebervuřŝtyn* (искаж. форма мн. ч. нем. Leberwurst ‘ливерная колбаса’), *struzak* ‘сенник’, ‘тюфяк’ (нем. Strochsack). Любопытно, что контекст, из которого извлечен последний германизм, демонстрирует наличие у информанта определенного языкового чутья: *v nasex suovax i ěemecke suova daže uot cukĕr po toĭtmu eta pa ěemecki, struzak, cukĕr i ěesó ta tag znaĭa. a po nasemu ĭa ěe znam* [Stupiński 2009b: 194]. О лексике польских сибирских говоров см. также [Ананьева 2016].

Отметим, что для ВСПв и ЗСПз/а, как и для любых диалектных систем, характерна высокая степень вариативности, разная степень реализации того или иного признака (включая фонетические) по идиолектам.

Перейдем к результатам воздействия русского языка (как в его диалектных, так и в литературной формах) на польские сибирские островные идиомы. Следствием влияния окружающих польский анклав русских говоров является, например, функционирование в ВСПв слов *naževaška* ‘рубашка’, *véxotka* ‘мочалка’, *ćirki* ‘род обуви’, восходящей к бурятскому, но пришедшей из русских говоров лексемы *taras’un* ‘самогон’ и др.

В процессе заимствования взаимодействуют номинативная и экспрессивная функции языка, его внутренние и внешние свойства. Так, номинативная и одновременно внешняя функции реализуются при заимствовании лексики, связанной с сельской хозяйственной и административной жизнью, сферой образования и здравоохранения, окружающей природой и повседневным бытом, проникающими в село городскими и социально-общественными реалиями (ср. частое упоминание в рассказах информантов такой реалии, как *truťarmĭja* ‘Трудармия’).

Собственно языковая и экспрессивная функции проявляются в заимствовании ярких коллоквиальных средств, так называемых дискурсивных слов (ср. определяющие действие и признак наречия *toĭna, oĕĕn, tut, zĕs’*, *daže* // *daze, tud’a, s’ud’a, bistro, družno* (*družno luže zili* С.), союзы — сочинительные *da i* // *da*, предлоги *kromĕ, iz, vroĕe, raĕi, vĕmesto, posĕle*, частицы — утвердительная *da*, отрицательная *ĕet, vot*, вводные слова и клише *vapsĕ* // *vopřĕe, vopřem, napriĕm’er, koĕneřno* // *kaĕneřno, řto ĭi, řřo* // *řs’o ravn’o, v osnovn’om*), модальные слова (*doĕřen*), определенные морфологические формы и синтаксические конструкции, словообразовательные и экспрессивные лексические средства (например, ругательства).

В морфологии обращает внимание развившееся в обоих польских анклавах под влиянием русского идиома отсутствие личных окончаний в прошедшем времени (*my pošli* — лит. *poszlišmy* ‘мы пошли’, *mi robžiłi* — лит. *robilišmy*, здесь — ‘мы работали’, *ja še rožiū* С. — лит. *urodziłem się* ‘я родился’). Чаще личные окончания утрачиваются во множественном числе, тогда как в единственном, например, в ЗСПз/а наряду с формами типа *ja še rožiū* употребляются также формы с личным окончанием: *ne žucauam* ‘я не бросала’, *robžiūam* ‘я работала’, *tužiūam* ‘я говорила’, *ja vijechaūam* ‘я уехала’. Утрата личных окончаний в формах претерита — обычный результат контакта западнославянского идиома с восточнославянским. К такого же рода явлениям относится представленное в обоих польских анклавах функционирование субстантивной флексии дат. п. мн. ч. *-am* (в отличие от польск. *-om*, по диалектам *-um*): *žećam* и т. п.

Под влиянием русского языка возможна утрата чередования *k : c* в парадигме существительных женского рода (ср. *v Aleksandrofke* — лит. *w Aleksandrowce*). Таким образом, в ЗСПз/а функционируют омоформы вин. п. ед. ч. и местн. п. ед. ч. для существительных женского рода с *k*-финалью основы.

Совершенный вид русских беспрефиксальных глаголов *родить(ся)* и *кончить(ся)* повлиял на вид формальных польских соответствий: *ja še rožiū* ‘я родилась’, *końciūa jedenašće klasuf* ‘кончила 11 классов’ [Stupiński 2009b: 166]. Совпадение в русском языке сравнительной степени прилагательных и наречий обусловило употребление формы прилагательного в функции наречного компаратива (*octompta uod nas lepše* ‘лучше отойдите от нас’, вместо *lepiej* [Stupiński 2009b: 164]). Под влиянием русского идиома образуются фиксируемые в обоих польских анклавах гибридные формы суперлатива, состоящие из стяженной формы компаратива и лексемы *sam* (*sama starša* ‘самая старшая’ — польск. *najstarsza*).

Русский язык оказал влияние на употребление количественно-числительного для называния десятков при обозначении года (ср. *tšydešci peršy* — лит. *trzydziesty pierwszy* и даже *dvacat' cvartego roku* С.). Калькой русской конструкции является номинация времени типа *fšez'd' gožin* — лит. *o szóstej godzinie* ‘в шесть часов’.

Характерная синтаксическая особенность, возникшая в польских диалектах под влиянием русского идиома, — замена конструкций с глаголом ‘иметь’ конструкциями с глаголом ‘быть’: *jest šostra u mne* ‘есть у меня сестра’, *u mne tšy' žeci* ‘у меня трое детей’ [Stupiński 2009b: 166], *Se'rože biūo dva lata, a Vale rok* ‘Сереже было 2 года, а Вале год’ [Там же: 167]. Ср. другие примеры синтаксисом, функционирующих у полноязычных диалектоносителей под влиянием русского языка: *do obžadu* — лит. *przed obiadem* ‘до обеда’, *v Aleksandrofke* //

v Aleksandrofke — лит. do Aleksandrowki ‘в Александровку’, *citać na polskem* — лит. czytać po polsku, w języku polskim ‘читать на польском языке’, *tšy roka* — лит. trzy lata ‘три года’ (примеры из ЗСПз/а).

Цитаты (т. е. не полонизированные вкрапления из русского языка) могут быть представлены как целыми предложениями, так и отдельными словосочетаниями или лексемами. Примеры из текстов Е. Ступинского, относящиеся к разным семантическим областям: *rodŋ'a, s'emj'a, p'emaŋik, zamuš, zaijavl'eŋije, p'aločki, našč'ot haz'aistva, v magaz'in, f'pojest, f'pejs'atom god'u, v'rema, r'odina, asfaltŋy zav'ot, goř'učeje, pojel'i vinogradu, prodotžali, fstre'im, as'obeno* и мн. др.

Особый интерес представляют русизмы, являющиеся русско-польскими гибридными образованиями. В [Ананьева 2013б] приведены примеры таких русизмов из ВСПв. Опираясь на записи 2013 г. и тексты Е. Ступинского, проанализируем отдельные гибридные образования, функционирующие в ЗСПз/а.

1. Примеры фонетической адаптации русизма.

1) Отражение одной польской особенности:

а) *z'akon* — рус. закон, *dum'al'i* — рус. думали, *posledn'ego* — рус. последнего, *fstreč'il'i* — рус. встретили (парокситоническое ударение);

б) *fšo, fšex, fše* — рус. всё, всех, все («шаканье»);

в) *obmaŋes* — рус. обманешь (мазурение);

г) *trudož'in* — рус. трудодень (суженное *e* на месте **ě*);

д) *p'šitešnal'i* — рус. притесняли (сохранение вибранта в континуанте **r*);

е) *na pricepše* — рус. на прицепе (асинхронное произношение палатального губного, обусловившее наличие чередования *p : š* в парадигме существительного).

2) Отражение нескольких польских особенностей:

а) *otpraž'il'i* — рус. отпράвили, *ugrobž'il'i* — рус. угрббили (2 явления: парокситонеза и результат асинхронного произношения палатальных губных);

б) *otvecać* — рус. отвечать (2 явления: мазурение и парокситонеза);

в) *zaprescal'i* — рус. запрещали (2 явления: мазурение и твердость *r*);

г) *postupš'v'ca* — рус. поступила (2 явления: асинхронный тип произношения палатального губного и билабиальный характер польского *ř*);

д) *šivka* — рус. ссылка (2 явления: совпадение в одном звуке *i* и *y*, билабиальный характер *ř*).

2. Отражение лексико-фонетических особенностей:

а) *sobraŋe* — рус. собрание, *znatny* — рус. знатный, *gr'amatne* — рус. грамотные, *poŋatny* — рус. понятный (стяжение);

б) *sofpadlo* — рус. совпало (польское сочетание *dl*).

3. Отражение морфологических особенностей:

а) глагольные флексии:

peredaĵta — рус. передайте (флексия 2 л. мн. ч. презенса и императива *-ta*); *pońimaĵo* — рус. понимают, *oxłoždaĵo* — рус. охлаждают (флексия 3 л. мн. ч. презенса *-o*); *ńe poĵmeńi* — рус. не пойдем (флексия 1 л. мн. ч. глаголов ем-спряжения *-mi*); *xvaci* — рус. хватит (презентное окончание 3 л. ед. ч. *-i*);

б) субстантивные флексии: *trudodńe* — рус. трудодни (флексия им. п. мн. ч. существительных м. р. мягкой разновидности *-e*).

4. Отражение словообразовательной особенности: *ođyxivać* — рус. отдыхать (итеративный суффикс *-iva*).

5. Польские лексические компоненты русизмов и русских клише:

а) *co ĵibuż* — рус. что-нибудь (польск. компонент *co*);

б) *po řsy'stkeĵi řeroĵatnoři* — рус. по всей вероятности (польск. компонент *řystkeĵi*).

6. Особенности сочетаемости: *dva k'omnaty* (диалектное употребление числительного *dva* с существительными ж. р. — на то, что здесь представлен русизм, а не сохранившийся польский архаизм, указывает место ударения).

7. Смешанные типы гибридов:

а) *oťveca* — рус. отвечает (фонетическое явление мазурения и морфологическая особенность — флексия *-a* 3 л. ед. ч. наст. вр. глаголов *ат-спряжения*);

б) *ře poznakuńiĵa* — рус. познакомилась (6 фонетических явлений: «шаканье», сужение *o* перед носовым согласным, парокситонеза, асинхронное произношение палатального губного, билабиальное *l*, континуант конечного носового переднего ряда *e*, а также подвижность возвратной частицы);

в) *ře ćustvuĵe* — рус. чувствую себя (морфологическая особенность — окончание 1 л. ед. ч. презенса *-e*, фонетический облик возвратной частицы и ее предглагольное место).

Таким образом, в условиях внешнего и внутреннего контакта поляков-билингвов с близкородственным русским идиомом в описываемых говорах наблюдаются следующие закономерности:

1) обусловленное частой сменой языкового кода наличие в польской речи диалектоносителей значительного числа русских цитат;

2) возможная утрата польской лексемы и замена ее иноязычной (например, утрата названий месяцев в обоих сопоставляемых польских анклавах);

3) возрастание за счет заимствований числа изофункциональных вариантов, нередко употребляемых в речи одного и того же инфор-

манта (ср. *bloto* // *grás*’, *očeň* // *barzo*, *daže* // *navet*, *tak* // *da*, *bakka* // *pudorožník*, *postupšiča* // *posto^umpšiča*, *što* // *co* и мн. др.);

4) появление гибридных форм различного вида.

В завершение заметим, что если проявление контактологических универсалий 2–4 возможно и при отсутствии внутреннего контакта с вторичной системой, оказывающей воздействие на примарный языковой код, то первая закономерность реализуется только в условиях билингвизма диалектоносителей.

II

Со времени публикации первых описаний островного чешского идиома, сохраняющегося в пос. Кирилловка под Новороссийском и д. Варваровка под Анапой на Черноморском побережье Северного Кавказа [Скорвид, Третьякова 2009; Скорвид, Поляков 2013; Скорвид 2013], география обследованных населенных пунктов, основанных во второй половине XIX и начале XX в. чешскими переселенцами или их потомками на территории современной России, в которых до сих пор в той или иной мере бытуют чешские говоры, заметно расширилась. Кроме уже довольно хорошо изученных кирилловской и варваровской разновидностей северокавказского чешского идиома (далее СКЧк и СКЧв) в ходе очередных экспедиций в указанный регион, предпринятых в 2015 и 2017 гг., удалось зафиксировать идиолект одной из последних носительниц чешского говора села Тешебс в окрестностях Геленджика (далее СКЧт), который оказался близок кирилловско-варваровскому, и, напротив, во многом отличные от него говоры д. Анастасиевка Туапсинского р-на Краснодарского края и хутора Мамацев Шовгеновского р-на Республики Адыгея (далее СКЧа и СКЧм). Перечисленными идиомами с малым числом носителей в основном старшего и, реже, среднего возраста (1–2 в Тешебсе, по 5–6 в Варваровке, Анастасиевке и Мамацевом, 10–15 в Кирилловке), по всей видимости, исчерпывается наследие некогда значительно более распространенных переселенческих чешских говоров на Северном Кавказе. Сопоставимое количество говорящих — около 25 чел. в возрасте от 60 до 80 лет — насчитывает чешский идиом, зафиксированный нами в 2012–2013 гг. в дд. Воскресенка, Новоградка и Репинка Калачинского р-на Омской обл. в Западной Сибири. В отличие от СКЧ, формировавшегося с конца 1860-х годов, западносибирский чешский говор (далее ЗСЧ) возник только в начале XX в. вследствие вторичной миграции части жителей поселения Чехоград (ныне Новгородковка — укр. Новгородківка) в Мелитопольском р-не Запорожской обл. Украины, а также, возможно, его дочерней колонии Новоград в Бессарабии (после 1912 г. — Голубое, совр. Хулубоая в Кагульском р-не Молдовы).

Результаты начатого в 2009 г. изучения всех этих идиомов отражены в целом ряде статей (в частности, из недавних [Скорвид 2014; Поляков 2014; Скорвид 2015; 2016а; 2016б; Skorvid 2016]), а также в дипломных работах магистрантов Карлова университета в Праге Б. Гакеновой (2015) и Оломоуцкого университета Р. Андрейса (2016), дополнивших наш материал собственными записями соответственно ЗСЧ и СКЧа. Весь собранный на данный момент корпус образцов различных чешских говоров на территории РФ содержит более 35 часов аудиозаписей из северокавказского региона и около 18 часов записей из Западной Сибири. Значительная часть этих записей была переведена в текстовый формат (в фонетической транскрипции), в том числе с помощью московских и пражских студентов и волонтеров из внеакадемических кругов. Ряд текстов в более популярной транскрипции вместе с аудиозаписями размещен в Интернете (www.pametnaroda.cz/project/witness/id/54).

В ходе проведенных исследований был прежде всего выявлен различный генезис не только ЗСЧ и СКЧ, но и двух групп идиомов в составе СКЧ: анапско-новороссийской (к которой примыкает также геленджикский СКЧт), с одной стороны, и туапсинско-адыгейской — с другой. Можно уверенно утверждать, что на территории между Анапой и Геленджиком селились выходцы в основном из Южной или Юго-Западной Чехии, на что указывают характерные юго-западно-чешские черты говоров их современных потомков. Напротив, говоры д. Анастасиевка, в которой объединились упоминаемые уже в 1868 г. Георгиевские хутора под Туапсе, и х. Мамацев, основанного в 1880 или 1889 г., со всей однозначностью возводятся к северо-восточным чешским диалектам. Вероятно, прибытие сюда чешских переселенцев представляло собой часть большой волны колонизации, двигавшейся из Северо-Восточной Чехии, которая охватила всю территорию Украины, начавшись на Волыни и распространяясь далее в направлении на юг и юго-восток. По понятным причинам северо-восточночешские корни имеет и ЗСЧ, генетически связанный с говором украинского Чехограда.

Констатация южно- или юго-западночешского (далее юч., юзч.) происхождения одной ветви СКЧ и северо-восточночешского (далее свч.) характера остальных чешских идиомов в России, естественно, не подразумевает вывода о полном единообразии говоров в рамках первой и второй групп. Общими для них являются лишь основные признаки, противопоставляющие две названные диалектные области в Чехии, при наличии частных, а иногда и довольно существенных, специфических особенностей отдельных идиомов, в том числе и территориально близких внутри СКЧ. Часть таких особенностей, возможно, отражает давние расхождения между говорами разных об-

ластей или населенных пунктов соответственно в Юго-Западной и Северо-Восточной Чехии, откуда прибывали первые переселенцы (на Северном Кавказе, согласно имеющимся свидетельствам, к ним позже присоединялись в индивидуальном порядке также выходцы из других регионов Чехии и даже из Моравии), но черты эти в настоящее время проявляются только на идиолектном уровне⁴. Некоторые же своеобразные явления возникли в результате изолированного существования обсуждаемых говоров в иноязычном окружении, с влиянием которого, впрочем, не обязательно связано независимое развитие в них определенных инноваций. Напротив, их контакт с господствующими как в окружении, так в наши дни и в среде самих носителей данных говоров региональными разновидностями русского языка, а в прошлом также с украинскими или смешанными идиомами приводил и приводит скорее к сходным изменениям в первоначальных диалектных системах. При этом под влиянием господствующего языка в одних случаях полностью заимствуется тот или иной фрагмент его системы, тогда как в других устанавливается некоторый внутренне динамичный баланс: исходное диалектное состояние оказывается разрушено, однако переход к новой системе по образцу воздействующего языка до конца не осуществляется.

В нижеследующих разделах работы будут представлены в сравнительном аспекте основные фонетические, морфологические и лексические особенности разных идиомов в рамках СКЧ, с одной стороны, и ЗСЧ — с другой.

Фонетика

Все анализируемые говоры сохраняют в исконных лексемах ударение на первом слоге слова или тактовой группы. Это нарушается в русизмах, хотя и здесь ударение часто переносится на начальный слог, причем ударный в русском неначальный гласный может продляться, ср. в СКЧк *z'iml'anka/z'eml'ánki, k'olxози/kolx'ozi, do kolx'ozu × n'a ribáلكu, n'a paróm*; в ЗСЧ *zeml'ánki × r'ešili, n'a bazar, k'olxos* и *s'ацхос* (< совхоз, в региональном произношении [саѣхос]). Особенно сильное инициальное ударение, в том числе также в адаптированных русизмах, слышится в ЗСЧ, что осознается диалектоносителями как яркая отличительная черта их говора: *mi mluvíme uš... jen 'udar'en'ije... slova ruskí a jen 'udar'en'ije stavíme p'o druhím* (мы говорим уже... только ударение, слова русские, только ударение ставим по-другому). Во фразовых условиях прежде всего в СКЧк и СКЧв (реже в других идиомах) ударение иногда может перемещаться на слог и более вправо, в том

⁴ Подробнее об этом на материале СКЧк/в см. [Скорвид 2015: 370–375].

числе на последний слог словоформы или на последнее звено в цепочке энклитик, ср. в СКЧк *v i ste se um'ořili?* 'вы утомились?'; *ab i ji nesp'l'ařit* 'чтобы ее не спугнуть'; *ne'učila sem s'e, a řexno delala sama* 'я не училась, а всё делала сама'; в ЗСЧ *pořili* 'пожили', *uj'eli* 'уехали'. Корни данного явления, которое не находит прямой опоры в чешских диалектах метрополии и никак не связано с влиянием языка окружения, остаются невыясненными.

Так как в основе всех исследуемых идиомов лежат собственно чешские диалекты⁵, иллюстрировать общие для них явления из области исторической фонетики — в частности *ej < ě*, *ī < ē* или протезу *v-* перед *o* — нет необходимости. Как противопоставленная особенность заслуживает внимания наличие *ej < ī* после свистящих в ЗСЧ в соответствии с состоянием в свч. диалектах: *cejtej* 'чувствуют' (ср. инфинитив того же глагола *cítit* в СКЧк); *cejxa* 'пододеяльник'; *blisko lesejka* 'близ лесочка', *na vozejkách* 'на тележках'; *zejma* 'зима' (примеры из СКЧа и СКЧм, где эта черта также могла бы ожидаться, в нашем материале отсутствуют).

Историческое распределение кратких и долгих гласных в СКЧк, СКЧв, СКЧт и в остальных идиомах соотносительно с фиксируемым в юзч. и свч. диалектных областях метрополии: ср. юзч. краткость в инфинитивах типа *nest* 'нести', *donest* 'принести', *přivest* 'привезти' в СКЧк, *lest* 'лезть' в СКЧт × *přivist* 'привезти' в СКЧа, *vodníst* 'отнести' в ЗСЧ [Balhar 2005: 250, карта 159], юзч. долготу во флексии им. (и вин.) п. мн. ч. *kluci* 'парни' в СКЧв [Balhar 2002: 154, карта 90] и свч. рефлексацию в виде *ej* сохраненной предупредительной долготы в *zejma* 'зима' и в виде *u* (с сокращением) — продленного предупредительного *o* в *ja vam dam kusu* 'я дам вам косу' в ЗСЧ [Balhar 2005: 200, карта 114; 210, карта 124]. Напротив, почти полное сходство в анализируемых говорах разного происхождения демонстрирует вторичное сокращение *ī, ů* во флексиях, суффиксах и реже корнях (в СКЧк *buráčku sem nasázel hodn'e* 'я свеколок посадил, много', *u t'ěx Viktoru* 'у этих Виктор(ых)', *devjed d'et'ěx* 'девять детей', *f štiricátim roku* 'в 40-м году', *křički* 'кустики', *mliko* 'молоко'; в ЗСЧ *pjet klucu* 'пять парней', *hodn'e lid'u* 'много людей', *padesát sídmim roku* 'в 57-м году'; *tat'inek* 'папа', *kmotřiček* 'крестный', *s kořičkem* 'с корзинкой', *mliko* 'молоко', *jíst* 'есть, edere') и продление краткого корневого *e* случаях типа *pěří* 'перья', *z'ěli* 'капуста'.

⁵ Лишь некоторые моравские изофоны, такие, как краткость гласного в инфинитиве глагола 'иметь' или протеза *h-* перед начальным *u*, на основной территории распространения чешского языка захватывающие также восток Чехии, отражены в СКЧм (*mn'et*), СКЧа (*mn'et/mit*; *humila* 'вымыла') и ЗСЧ (*mn'et/mit*; *huzení* 'копчености').

Разные основания имеет под собой аналогичная во всех обсуждаемых идиомах двоякая реализация согласной фонемы /v/ как шумной губно-зубной звонкой с глухим вариантом [f] и как сонорной губно-зубной с губно-губными вариантами [ɥ] и [w]. В ЗСЧ, СКЧа и СКЧм речь идет, безусловно, о продолжении свч. диалектного состояния; ср. во всех названных идиомах в конце слова после гласных *drif/dřiu/dřiu* наряду с *drivejc/dřivejc* ‘раньше’, *křxou* ‘кладбище’; в середине слова перед согласным в СКЧа *pravda/pravda* ‘правда’, в СКЧм и ЗСЧ *zrovna/(d)rouna* ‘как раз’ и ‘сначала’ (семантическая калька рус. диал. *спазу*), *nádřuka* ‘лепешка с начинкой’, во всех говорах *prun’i-i* ‘первый’ (после слогового [r]); в начале слова перед согласным *fšexno* / (реже) *ušexno* ‘всё’ (СКЧа) / *ušeci* ‘все’ (ЗСЧ), *vzala* ‘взяла’ / *uzala se* ‘вышла замуж’ (СКЧа) и *depak ses tadi uzala* ‘откуда ты тут взялась’ (ЗСЧ); перед начальным гласным [o] речь может идти о протезе (повсеместно *von/ɥon* ‘он’, *ɥosum* ‘восемь’ и т. п.) или этимологическом согласном: *velkej, velki* / *ɥelká* (СКЧа) и *ɥelikej* (ЗСЧ) ‘большой, -ое, -ая’, в ЗСЧ *vozil/ɥozili* ‘возил, -и’, *ɥe sklepu ɥodu nemáš?* ‘в подвале у тебя нет воды?’ / *vodu*; в группе с другим согласным в ЗСЧ *kuýtka* ‘цветы’, *ɥouɥ babičku* ‘свою бабушку’, *s tima ɥouɥta d’efčatama* ‘с теми двумя девочками’; во всех трех говорах *ɥjenec* ‘веночек’ < *věньсь (где, впрочем, только с синхронной точки зрения речь идет о группе согласных); в интервокальной позиции в ЗСЧ и СКЧа *takovej* и *takowej/tako^wej* ‘такой’, *mluvi/mluwi* ‘говорит’, *nevím/newím/ne^wím* (также с сокращенным -i) ‘не знаю’; в свадебной песне, исполняемой носителями всех трех говоров: *neskej uš seš Sašečkova* (ЗСЧ) / *Pepičkova* (СКЧм) / *Kutnohorskowa* (СКЧа) ‘нынче ты уже Сашечкина / Пепичкова / Кутногорского’; в ЗСЧ также *bejvá/bejwá* ‘бывает’, *pochowáwali* ‘хоронили’, *viprawuwala* ‘рассказывала’, *powidam/ɥona p^wida* ‘говорю/она говорит’, *ɥotpowidáwám* ‘отвечаю’ и т. п. Характерны такие известные свч. диалектам метрополии последствия скользящей билабиальной реализации фонемы /v/, как изменение *w’ > j после гласных в случаях *pojidal* (СКЧм) / *pojđali* (ЗСЧ) ‘говорил, -и’ и *vobuj* ‘обувь’ (ЗСЧ, при *vobuɥ* в СКЧа), а в ЗСЧ также замена *ɥ* > *h* в выражении *h noci* ‘в ночи’ (см. [Bělič 1972: 50; Jančáková, Jančák 2004: 50, 87]).

Отдельного объяснения требует аналогичная реализация /v/ в генетически юзч. идиомах Северного Кавказа, ср. примеры из СКЧк/в и СКЧт: *drif/dřiu; já sem do Hlebofki jezdila dřif ... d^ř Varv’arouki* ‘я раньше ездила в Глебовку... в Варваровку’; *prun’i, hlaun’i* ‘главный’, *roun’e* ‘прямо’, *von/ɥon, ɥohen* ‘огонь’, *ɥuostala* ‘осталась’, *ɥpr’edu* ‘впереди’, *ušecker* ‘всё’; *takowí, uwařenej* ‘сваренный’, *nepomluwým* ‘не поговорю’, *ne^wím* ‘не знаю’. Данная особенность, вероятно, проникла сюда вторично из кубанской «балачки», где в результате смешения черт украинской и русской фонетики /v/ «может произноситься как [y] неслоговое, как губно-губное [v] и как [f]» [Борисова 2005: 28].

Помимо этого обращает внимание встречающийся последовательнее в СКЧа, но спорадически и в других чешских идиомах на Северном Кавказе (исключая СКЧк/в), а также в ЗСЧ губно-губной [ʏ] на месте исторически твердого *l*. Ср. примеры: *žičo se pjekn'e* 'жилось хорошо'; *taková mladá zámuš višča* 'такая молодая замуж вышла'; *tuče se másčo* 'толчется масло'; *kuci* < *khuci* 'парни' со слиянием *-ци-* (ЗСЧ); *kuuci* и вин. п. ед. ч. *kuka* 'парня'; *stopaesát ččovjek* '150 человек'; *neučiču se* 'не учились'; *biču* наряду с *bily* и *bili* 'были' (СКЧа); *bič* 'был' (СКЧм). Эта черта отмечалась в прошлом в крайних свч. говорах [Bělič 1972: 28], однако такое произношение *l* представлено в отдельных лексемах и в южночешском идиолекте носительницы СКЧт (*mluvíme/mjuvíme* 'говорим').

В завершение следует отметить некоторые комбинаторные фонетические явления, общие для всех описываемых идиомов (например, «ротацизм» в *svarba* 'свадьба') и более специфические юзч., наблюдающиеся в основном в СКЧк/в, такие, как диссимиляция с йотацией в группах шипящих-свистящих и взрывных геминатах: *hdij se vrátil* 'когда он вернулся' (-ž > -š ↔ s-), *von se pojtrhnul* 'он подорвался' (-d > -t ↔ t-, семантическая калька рус. глагола)⁶, и свч. в остальных говорах, прежде всего диссимиляции *nn* > *dn* и *sn* > *sm* в ЗСЧ: *Мария надна* 'Дева Мария', *писмичка сватеого руженце* 'песня Святого Розария' (примеры кириллицей здесь и далее — из чешских молитв, записанных так для памяти жительницей д. Воскресенка в 1992 г.), аналогично *pismička* в СКЧм, но не СКЧа; при этом первый тип отмечен также в СКЧк: *dřevjednej* 'деревянный'. К комбинаторным явлениям в речи можно отнести и частый в СКЧа пропуск гласных и целых слогов как в заударной позиции, так иногда и предупредных (в русизмах) также либо даже изначально ударных, ср. *uon'i parx'odama jely d'o_desi* 'они пароходами ехали до Одессы', *ke mn'e se dostlo* 'ко мне попало' (< *dostalo*), *tlen* 'вот этот' (< *tenhleten*).

Морфология

В парадигме настоящего времени глаголов типа *prosit* и *rozumět* в генетически свч. говорах в соответствии с ситуацией в указанной диалектной области Чехии преобладают формы 3-го л. мн. ч. на *-ej(i')*, ср. в ЗСЧ *мусеѝ* 'должны', *сповцеѝ* 'спускают', *mluvjej* 'говорят', *křičej* 'кричат', *cejtej* 'чувствуют', *dřžej* 'держат', *stavjej* 'ставят', *uvažej se* 'сварятся', *viđeji* 'видят', *trřilej / strřileji* 'стреляют', *vistřelej / vitřeleji* 'выстрелят', *xođeji* 'ходят', но *rozumn'ej* и *rozumí* 'понимают'; в СКЧа

⁶ Ср. аналогичную прејотацию шипящей аффрикаты в СКЧт: *vona mušela nas učít* 'она должна была нас учить'.

musej (при единичной форме *musejí*), *mluvjej*, *rozumn'ej*, *umn'ejí* 'умеют', *xodej*, *jezděj* 'ездят', *stojej* 'стоят', *sázej* 'сажают', *házej* 'бросают', *vařej* 'варят', *vipijej* 'выпивают', *uslišej* 'услышат', *nevyučej* 'не выучат', *viváděj* 'выводят', *přívážejí* 'привозят', *potom se vyvracejí* 'потом переворачиваются', в русизме *potok napravěj* 'речку направят'; аналогично *vjeděj* 'знают', *sn'eděj* 'съедают'. Напротив, в СКЧк/в довольно частотны формы 3-го л. мн. ч. на *-il-i* без расширения основы глагола, ср. *mluvjejil-i*, но *vnuki* <...> *máloco rozumí i nemluví* 'внуки <...> мало понимают и не говорят', *křičejí / křičí*, *xodejí / xodí*, *jezdějí / jezdí*, *stojej / stojí*, *nepouščej* 'не пускают', но *nohi mn'e bóli* 'ноги у меня болят'; *to ti mezi nohi vitřelí* 'то тебе между ног выстрелят', *voudíte se a potom vás sn'í* 'вы прокоптитесь, а потом вас съедят'; в СКЧт без варианта *von'i nemluví po česki* 'они не говорят по-чешски'. У глаголов, заимствованных из русского языка, иногда после расширения *-ej-* по аналогии с типами *žít*, *kryt* появляется флексия *-ou*, что наблюдается как в СКЧа (*žal'ejou* 'жалуют', *uxážejou* 'ухаживают'), так и в СКЧк (*scepl'ejou se ti vav'oni* 'сцепляются эти вагоны', *dostrájejou* 'достраивают'). У собственно чешских глаголов, однако, в СКЧк вместо флексии *-ou* после корневого согласного изредка выступает *-í*, как в типах *prosit* и *rozumět*, например: *a von'i s tej strani takle thučí na vokna* 'а они с той стороны так вот стучат в окна'). В ЗСЧ у *i*-глагола встретилась и форма 3-го л. мн. ч. «моравского» типа *jezd'ijou* 'ездят' (впрочем, возможно, скорее построенная по образцу рус. простореч. *ездиюм*).

В повелительном наклонении для СКЧк/в характерны юзч. формы 2-го л. ед. и мн. ч. с заменой корневого свистящего согласного или сочетания с ним шипящим (*otpušč*, *votpušte* 'прости, -те', *poproste / poprošte* 'попросите') и для всех исследуемых идиомов — формы 2-го л. мн. ч. с показателем *-i-*, если он выступает в ед. ч.: в СКЧк/в и СКЧм *nejdíte* 'не идите', *řekn'íte* 'скажите', *sedn'íte si* 'садитесь' (в СКЧв наряду с *sedn'ete si*); в ЗСЧ *nejezdíte* 'не ездите', *d'íte spát* 'идите спать'. На основной территории чешского языка формы 2-го л. мн. ч. на *-ite* известны говорам на западе и, как окраинное явление, на севере и востоке Чехии, а также в Моравии [Balhar 2002: 482–484, карты 337–339]; на их закрепление в чешских идиомах в России могла повлиять аналогия с русскими формами. Наконец, исключительно под влиянием русского языка во всех рассматриваемых говорах распространились аналитические формы повелительного наклонения 1-го л. мн. ч. со смысловым глаголом в индикативе и вспомогательным *dávat* 'давать' в императиве: в СКЧ к/в *dávej se přiznáme* 'давай признаемся', *dávejte si vupijem* 'давайте выпьем'; в ЗСЧ *dávejte uznáme n'eco* 'давайте что-то узнаем'.

В именном словоизменении заслуживает внимания типичная свч. флексия дат. и местн. п. ед. ч. *-oj* прежде всего одушевленных существ-

вительных м. р. в ЗСЧ (*mladímu klukoj* 'молодому парню', *dědečkoi říkali Antoš* 'дедушку звали Антош', *jednomu Ukrajincoi* 'одному украинцу', *k tátoji* 'к папе', местн. п. *po taťinkoi* 'по отцу'; ср. в молитве: *Слава отцу сыну Сватуému духоу*) и в СКЧМ, где она отмечена также у существительного ср. р. *děcko* — дат. п. *děckoi* 'ребенку'. В СКЧА эта флексия в местн. п. распространилась шире, проникнув в парадигму неодушевленных существительных м. и даже ср. р.: *na Kaukázoi* 'на Кавказе', *v Novoros'ijskoi* 'в Новороссийске', *v M'inskoi* 'в Минске', *f tetom rokoi* 'в этом году', *v druhim domoi* 'в другом доме', *u kluboi* 'в клубе' и, с утратой предлога, *haražoi* 'в гараже', *na házoi* 'на газе', *u másloi* 'в масле'. Речь идет о весьма специфической инновации в изолированно развивавшемся островном идиоме, которая не находит ни параллелей в других таких говорах в РФ, ни опоры в чешских диалектах метрополии. В СКЧк/в и СКЧт в дат. и местн. п. ед. ч. одушевленных существительных м. р. выступает общечешская флексия *-ovi* или ее фонетический вариант с конечным *-у*, проникшим из кубанской «балачки»: *Pavlovi, sinovi* 'Павлу, сыну', *dědovi / dědouškovu* 'дедушке', *k taťinkovi / taťinkovu* 'к папе', *neco dá storožovi* 'что-то даст сторожу', *bajzikovi dám papat* 'собаке дам поесть', *k tomu kon'ovi* 'к тому коню', местн. п. *po tátovi* 'по отцу' (СКЧк); *nado bylo pomohat Volod'ovi* 'надо было помогать Володе' (СКЧт).

В СКЧА можно отметить также свч. флексию *-ej* в твор. п. ед. ч. существительных ж. р. мягкого типа (*ze zemn'ej bilo teško* 'с землей трудно было'), а в ЗСЧ встретилось несколько форм твор. п. ед. ч. существительных м. р. на *-a* с свч. флексией *-em*: *Aneška z Honzem* 'Анежка с Гонзой', *s Frantem Přibilovim* 'с Франтой Пришибилом' (ср. в СКЧк/в *Frantik Frantou Frantu pohán'i* 'Франтик Франтой Франту погоняет'). Между генетически свч. и юзч. говорами в России имеются и другие различия во флексиях существительных: например, род. п. мн. ч. *děťú/děťu* 'детей' (в СКЧА также *lyďu* 'людей', в ЗСЧ *menú* 'имен') × *děťix* в СКЧк/в, там же аналогично *hodn'e kon'ix* 'много лошадей', *a tex rúžix kolig bilo* 'а роз сколько было', в СКЧт *dve děťix* 'двое детей'.

Под влиянием русского языка, пусть и не совсем по русской модели (и, вероятно, не без предпосылок к такому развитию особенно в свч. диалектах метрополии), во всех островных чешских говорах в России, включая генетически юзч., фактически утратилось выражение одушевленности существительных м. р. по крайней мере твердого склонения во множественном числе. Формы им. п. мн. ч с чередованиями конечных согласных основы перед флексией *-i* типа *Čex — Češi* (наряду с *Čexi* 'чехи'; *hox — hoši* и *kluk — kluci* (в СКЧв *kluci*) 'парни', *voják — vojáci* 'солдаты', *školák — školáci* 'школьники', *bratr — bratři* 'братья', *kamarád'i* 'друзья', *sousedi* (наряду с *sousedi*) 'соседи', *vjk —*

v|ci ‘волки’, *bejk* — *bejci* (наряду с *bejki*) ‘быки’, *medvjedi* ‘медведи’, в СКЧа даже в русизме *barán* ‘i’ ‘бараны’ имеют только отдельные существительные, у которых, однако, от той же основы с чередованием образуются и другие формы мн. ч.: например, повсеместно *Češú už je málo* ‘чехов уже мало’; в ЗЧЧ *pjet klucu* ‘пятеро парней’; *svím klucam* ‘своим парням’; *n’ekterím Češum* ‘некоторым чехам’ // *Češim*; *spolu ešče s n’ákima Češima* ‘вместе еще с какими-то чехами’ // *s Češami* (!) × в СКЧк *toliká kluci* ‘столько парней’; *ke klucím* ‘к парням’, *mezi Češima* ‘между чехами’. Ввиду этого здесь также не различаются формы им. п. и вин. п. мн. ч., ср. *sebírali fšexni ti mladi kluci* ‘собирали всех этих молодых парней’ (СКЧв), *na kluci dávali zem* ‘на парней давали землю’ (ЗЧЧ), *mi bratři... mn’ela sem dva bratři* ‘мои братья... я имела двоих братьев’ (СКЧа), *ja bila málinká a bejci dou... i uot ti bejci potatuju* ‘я была маленькая, а быки идут... и вот этих быков я помню’ (ЗЧЧ) и т. п. Точно так же совпадают эти формы у существительных, лишенных морфонологических показателей одушевленности во мн. ч.: *dva sini umřeli* ‘двое сыновей умерли’ и *dva sini mn’el* ‘двоих сыновей имел’, *sedí babički, dedečki* ‘сидят бабушки, дедушки’ и *dedečki ja nepamatuju* ‘дедушек я не помню’ (ЗЧЧ); *vnuki tak taki už máloco rozumí* ‘внуки уже тоже мало что понимают’ и *mn’eli sme malí vnuki* ‘мы имели малых внуков’; *králikí sou... xcete uvidět králikí?* ‘есть кролики... хотите увидеть кроликов?’ (СКЧк/в)⁷. Разные флексии в им. п. мн. ч. могут получать одушевленные и неодушевленные существительные мягкого склонения (например *N’emci* ‘немцы’ × *hřnce* ‘горшки’), но у одушевленных и здесь наблюдается совпадение форм им. и вин. п., ср.: *jak nalítli naše samoloti ruskí, načali bombit ti N’emci, N’emci gdo kam* ‘как налетели наши русские самолеты, начали бомбить этих немцев, немцы кто куда’ (СКЧк); *bilo sokrasčen’i, učiteli ubírali n’ákí...*

⁷ На территории Чехии распространение у одушевленных существительных м. р. основы с чередованиями согласных, исторически закономерными перед флексией *-i* в им. п., на все формы мн. ч. (род. п. *klucu, hošu/hoší*; дат. п. *klucím/klucam*, твор. п. *hošima/hošama*) отмечается в свч. диалектах; совпадение форм им. и вин. п. с флексией *-i* в том числе у существительных мягкого склонения типа *pekaři* ‘пекари’ характерно для более широкого ареала, включающего среднечешскую область; наконец, невыражение одушевленности в им. п. мн. ч. ограничивается в основном лексемами, относящимися к животному миру, типа *ptáčki* наряду с *ptáčci* ‘птицы’ [Balhar 2002: 188, 190, 226, 276; карты 123; 150, 188, 166, 97]. Синкретизм форм им.-вин. п. мн. ч. типа *vnuki, dedečki*, по-видимому, развился в островных чешских говорах в России вторично, в результате взаимодействия соответствующих звеньев чешской и русской систем. Впрочем, единичная форма им. п. того же типа встретилась и в собственно свч. диалектном тексте из окрестностей г. Свитава: *sedláki pekli hodně vejškowi koláče* ‘богатые крестьяне часто пекли пироги из сеяной ржаной муки’ [Lamprecht 1976: 113].

i vot učiteli museli n'ekam ujd'it 'было сокращение, каких-то учителей увольняли... и вот учителя должны были куда-то уйти' (ЗСЧ). Крайне редко это соотношение у одушевленных существительных уступает место соотношению русского типа, т. е. вин. п. = род. п., ср. в СКЧк *vihnal tex Tatarú... tix Turku* 'выгнал этих татар, этих турок', *brali řex lid'i ruskejx v arm'iju* 'брали в армию этих русских людей'; в СКЧа с субстантивированным прилагательным: *i cizyx tam poxovávaji* 'и чужих там хоронят'. Наконец, совершенно единичны примеры употребления под русским влиянием форм вин. п. = род. п. мн. ч. у обозначающих лиц женского пола существительных ж. и ср. р.: *mám pravnuček* 'имею правнучек' (СКЧк), *jednu ned'eli kluci nás šmřkustovali, d'efčat* 'в одно воскресенье парни стегали прутиком нас, девчат', *a na d'evčat už, holka se narodí, už zem nedávaji* 'а на девчат уже, если девочка родится, землю не давали' (ЗСЧ).

У прилагательных наиболее примечательны юзч. неизменяемые притяжательные формы на *-ovo/-ino*, выступающие в СКЧк/в, нередко под влиянием русского языка с утратой чередования *k* перед суффиксом *-in-*: *taťinkovo mamka, mamkino mamka* 'папина мама, мамина мама', *mámn'e se d'edouškovo Kateřina řikalo* 'дедушкиной маме Катерина имя было'. Одна из таких форм встретилась в сочетании с определяющим исходное существительное местоимением в род. п.: *tátovo mojeho sestra* 'отца моего сестра'. Во всех исследуемых идиомах употребительны и регулярные притяжательные прилагательные, имеющие в им. п. краткие, а в других падежах чаще полные формы: *tadi mám ešče nehde strejčka, jako taminčiniho bratrance* 'тут у меня еще где-то дядя, мамин двоюродный брат' (СКЧк), *taťinkovou babičku já sem nazívajala babus'a* 'папину бабушку я называла бабуся' (ЗСЧ). Для обозначения семьи и принадлежности к семье в СКЧк/в и СКЧт используются юч. неизменяемые формы на *-ú/-u*: *Vena Luzumu hodil k tej Fan'e N'emcu* 'Вена Лузум ходил к Фане Немец', *i Kupšú bili vislani* 'и Кубеши были сосланы' (СКЧк); *soč tadi Čexi, a von'i nemluvi po češski... Šefců, a n'ic nemluvi* 'есть тут чехи, а по-чешски не говорят... Швещы, но они ни слова не говорят'; *teta Marus'a tam žila... fam'iřija <...> Štenglu po mojemu* 'тетя Маруся там жила... фамилия... Штенгель, по-моему'; *s V'itou Pánku ja trošku mluvím* 'с Витей Панеком я немного говорю' (СКЧт). В СКЧк однократно встретилась также более западная форма, обозначающая принадлежность к семье: *já sem Dušánkojč* 'я Душанек'. Напротив, в ЗСЧ, СКЧа и СКЧм формы на *-ú/-u*, как и в свч. говорах метрополии, являются формами им. п. ед. ч. м. р. притяжательных прилагательных, которые в ЗСЧ склоняются, отчасти сохраняя в косвенных падежах краткие окончания, ср. *Franta Širelú* 'Франта Шиллер', *u Franti Širelova* 'у Франты Шиллера'. Подобные формы служат для обозначения семейной принадлежности мужчин;

их женские соответствия оканчиваются в им. п. ед. ч. на *-ová/-ova*, а в качестве названий семьи используются краткие формы на *-ovi*, ср.: *ded bil Vondrú* 'дед был Вондра', *babička bila pan'i Vondrová* 'бабушка была пани Вондрова', *naše taťinki bili dva bratra Vondrovi* 'наши отцы были два брата Вондры' (ЗСЧ); *Ůodehnalovi ůon'i... ůona bila Motičkova a ůon Ůodehnalú bil* 'они (В)Одегнали... она была Мотычко, а он — (В)Одегнал' (СКЧа); *Sláv'ik Benešu* 'Славик Бенеш', *Ripkovi ja pomatuju... d'edečka ne, a babičku da, Ripkowou ja pomatuju* 'семью Рыбка я помню... дедушку нет, а бабушку Рыбку — да, помню' (СКЧм).

Лексика и смешение языковых кодов

Наиболее яркие лексические различия между двумя группами чешских говоров в России также связаны с их юзч. либо свч. генезисом. Противопоставленными являются такие лексемы или варианты лексем, как юзч. *húde* 'девочка, девушка', мн. ч. *húdata* в СКЧк/в × *děučce*, *děučata* в ЗСЧ и СКЧа; преобладающий в СКЧк/в вариант *d'edoušek* 'дед, дедушка' (наряду с *d'edek/d'erek*, *děda* и русизмом *d'ed*) × *dedeček* в ЗСЧ и СКЧа (в обоих этих говорах наряду с русизмом *d'edečka*); юч. германизмы в СКЧк/в *lox* 'подвал' и *bajzik* 'собака' от нем. *beißen* 'кусать', ср. *bajzek* в Южной Чехии [Janečková 1995: 21]; свч. названия домашней птицы *kačena* 'утка', *ťopan* 'индюк' в ЗСЧ и СКЧа (× *kačka/kachna* и *krocán* в СКЧк/в), свч. глаголы *z'del(áv)at* 'снимать' и германизм *pusovat* 'чистить' в ЗСЧ, СКЧа и СКЧм (× *sund(áv)at* и *čistit* в СКЧк/в), оценочные наречия *tuze* 'очень' и *šeredn'e* 'плохо' в ЗСЧ и СКЧа (× *tos* и *škared'e* в СКЧк/в). Употребление некоторых лексем имеет идиолектный характер: таковы, в частности, наречия *nejčkin* 'сейчас' и русизм *har'oš* 'хорошо' в речи жительницы с. Тешебс под Геленджиком (в других чешских идиомах соответственно *ted'* и *pjekn'e*).

Уже и эти примеры показывают, что с унаследованными от исходных диалектов ареально дифференцированными собственно чешскими лексемами в исследуемых говорах соседствуют, с одной стороны, также различавшиеся по регионам старые германизмы, а с другой — многочисленные восточнославянские заимствования, в разное время усвоенные переселенцами в новых местах обитания. Здесь в свою очередь выделяется относительно ранний пласт не только русизмов, но и (диалектных) украинизмов, которые, впрочем, могли проникать в чешские говоры через региональные разновидности русского языка или смешанные украинско-русские формации. Это, в частности, известное всем говорам слово *xáta*⁸ или лексемы *x'odak* 'ходок', мн. ч.

⁸ При склонении она принимает окончания существительных ж. р. мягкого типа, откуда вторичная форма им. п. ед. ч. *xát'*, см. [Jančáková, Jančák 2004: 124, 64].

x'odaki (с суффиксом *-ak-*, в отличие от рус. *ходок*, но с чешским ударением), *kav'un* 'арбуз', ср.: '*arbus eto po ruski, a mi řikáme po česki kav'uni* (с фиксированным ударением на втором слоге), и *trus* 'кролик', мн. ч. *trusi* в ЗСЧ. Так как данный чешский идиом по происхождению представляет собой ответвление чехоградского говора в Запорожской обл. Украины, присутствие в нем украинизмов не удивительно. Характерно, однако, что они перемежаются с давними заимствованиями как из русских говоров, распространенных в Сибири, так, вероятно, еще и из официального русского языка периода переселения чехов. Например, огород носители ЗСЧ называют адаптированным русским диалектным словом *rosadn'ik*, для обозначения же большего земельного участка (надела) используется слово *plán/plan*, восходящее, видимо, к русской терминологии времен нарезания земли. Из этих слов чехам Северного Кавказа знакомо только второе, обозначающее чаще всего надел за пределами деревни (но на х. Мамацев — огород), а в Анастасиевке наряду с ним употребляется не фиксируемый в собственно русских говорах германизм *plác/plac*, развивший значения 'пустош' и 'участок земли под застройку' (ср. о первых поселенцах: *přijely sem, každej si zaxvátil plác... ůot jedna s'em'j'a žily jen na placi* 'приехали сюда, каждый захватил себе место... вот одна семья только жила на своем участке'). Число таких примеров, отражающих давние региональные различия в употреблении русизмов и других заимствований между чешскими говорами в России, можно значительно умножить.

Что же касается современной ситуации обсуждаемых идиомов, то сравнительную характеристику функционирования в них русизмов — включая также кальки — затрудняет полное чешско-русское двуязычие всех их носителей при непрерывном переключении и смешении ими языковых кодов в процессе общения на родном говоре. Следует признать, что в настоящее время практически весь запас лексических единиц, известных российским чехам из региональных устных или из более «высоких» форм существования русского языка, вместе с их сочетаемостью вплоть до построения фраз и нередко с сохранением их русского фонетического облика и грамматического оформления, является неотъемлемой составной частью того или иного говора. К этому источнику говорящий на своем идиоме всегда может прибегнуть и без колебаний прибегает, как правило, не сознавая того, что он черпает из арсенала заимствованных средств, и не воспринимая эти средства как чужие. В качестве иллюстрации этого можно привести фрагмент рассказа об основании х. Мамацев из записанного недавно интервью Шуваловой (урожд. Францевой) Анисьи Антоновны 1936 г. р. (с репликой еще одной информантки в самом начале), где в верхнем индексе отмечены относящиеся к разным уровням русизмы: лексические (Рл⁹),

⁹ Повторяющиеся в данном тексте заимствованные из русского языка служебные слова (соединительный союз *i*, частица *ni*) помечены как лексические русизмы только при первом вхождении.

морфологические (Pm), синтаксические или сочетаемостные (Pc) и кальки (Pk):

— *maminka naše rosk'azovala^{Pn}, že tadi bil... ne lesa^{Pm} bili, a jak... kust'arn'iki^{Pn} se nazí(va)^{Pk} / — dubi tadi rosli / — aha^{Pn}, nu^{Pn} ne hustej bil les <...> i^{Pn} von'i žili tam hdesi pot Krasnod'arom^{Pm+c} či hde, či za Krasnod'arom^{Pm+c} naši rodiče, a potom jim řekli: je'te hde se vám zalíbí <...> tam i žít budete^{Pc}... nu uon'i štiri človjeka^{Pm} sedli na podvodu^{Pn+c} i jeli... a u n'as tudle to tadi bili <...> rodn'ički^{Pn}, taková voda pjekna, pr'amo^{Pn}... dřiu tak^{Pc} xod'ili sp'ic'alna^{Pn} tam brali vodu^{Pc} i doma pili jí, abi... neš vikopali studn'i, a jak studn'e vikopali... i pucow'ali, a to každoj sobotu — ne, jednoj u mn'esic^{Pc} se u trup^o zbírali^{Pk} i pucovali ti rodn'ički^{Pn} <...> // nu on'i jak přijeli, sem dojeli i koukaj, že řeka... ne řeka, a ruč'ejoč'ig^{Pn} bježi... i von'i se vopustili^{Pk} fšexni štiri, popili^{Pk} tu vodu i prošli se tadi, i jim se tadi zalíbilo // i von'i se tadi zdrouna^{Pk} štiri človjeka^{Pm} uostalo^{Pk}, mužik'a^{Pm} i s'em'ji^{Pn} štiri, a pak roctvenni duše^{Pn} přijíž'deli i taki se jim to tadi zalíbilo, i načali se strojit, strojit^{Pk} <...> tadi bili N'emci i Češi ' — наша мама рассказывала, что тут был... не леса были, а как... кустарники называются / — дубы тут росли / — ага, ну негустой был лес <...> и они жили где-то там под Краснодаром или где, или за Краснодаром, наши (пра)родители, а потом им сказали: поезжайте, куда вам понравится <...> там и жить будете... ну и они, четыре человека, сели на подводу и поехали... а у нас вот тут вот были <...> роднички, такая вода хорошая, прямо... раньше так специально ходили туда, брали воду и дома ее пили, чтобы... пока не выкопали колодец, а как колодцы выкопали... чистили, каждую субботу — нет, раз в месяц у труб собирались и чистили эти роднички <...> ну а они когда приехали, досюда доехали и смотрят, река... не река, а ручеечек течет... и они опустились, все четверо, попили этой воды, прошлись тут, и им тут понравилось... и они сначала четыре человека остались, четыре мужика и семьи, а потом родственные души приезжали, и им тоже тут понравилось, и они начали строиться, строиться <...> тут были немцы и чехи'.*

В заключение, учитывая всю палитру разноуровневых явлений чешско-русской интерференции в обсуждаемых говорах, остается констатировать, что за полтора века со времени прибытия первых чешских переселенцев на территорию Российской империи их традиционные крестьянские диалекты (там, где они не исчезли) претерпели эволюцию, которая привела к возникновению на настоящем этапе смешанных идиомов.

М. Глушковский, рассматривая ситуацию билингвизма у русских старообрядцев в Польше, констатировал, что некоторые их тексты «выявляют признаки смешанного кода, но было бы преувеличением отнести это понятие ко всей системе» их говора [Głuszkowski 2012: 37]. В отношении западнославянских — как чешских, так и

польских — островных говоров в России, напротив, такой вывод представляется вполне правомерным. В полной мере это смешение сказывается в лексике, в меньшей степени проявляется в морфологии и в наименьшей — в фонетике.

Литература

- Ананьева 2011 — *Ананьева Н. Е.* Фрагмент диалектной морфонологии польского говора дер. Вершина под Иркутском. Современная славистика и научное наследие С. Б. Бернштейна. Тезисы докладов международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения выдающегося отечественного слависта д.ф.н. проф. С. Б. Бернштейна. 15–17 марта 2011 г., г. Москва. М., 2011. С. 47–48.
- Ананьева 2013а — *Ананьева Н. Е.* Морфология глагола в польском говоре деревни Вершина Боханского района Иркутской области // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 16. Грамматика славянских диалектов. Механизмы эволюции. Утраты и инновации. Историко-типологические явления. М., 2013. С. 203–210.
- Ананьева 2013б — *Ананьева Н. Е.* Типология польских говоров Сибири и результаты их контактов с русским идиомом // Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Минск, 2013 г. Доклады российской делегации. М., 2013. С. 467–478.
- Ананьева 2015 — *Ананьева Н. Е.* Островной польский диалект // Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности. Кн. II. М., 2015. С. 9–18.
- Ананьева 2016 — *Ананьева Н. Е.* Лексика польских говоров Сибири (архаизмы и инновации) // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 18. Актуальные аспекты изучения лексики славянских диалектов. М., 2016. С. 85–92.
- Борисова 2005 — *Борисова О. Г.* Кубанские говоры: материалы к словарю. Краснодар, 2005.
- Гольцекер 1989 — *Гольцекер Ю. П.* Из наблюдений над особенностями польского говора села Вершина в Сибири // *Interferencje językowe na różnych obszarach Słowiańszczyzny. Rozprawy Slawistyczne*. 4. Lublin, 1989. S. 133–147.
- Гольцекер 1991 — *Гольцекер Ю. П.* Тексты из села Вершина (Иркутская область) // *Studia nad polszczyzną kresową VI*. Wrocław, 1991. S. 209–212.
- Новая Польша 2017, № 7–8 — Беседа Яна Ружджиньского с Сергеем Леончиком. Сибиряки... по собственному желанию // Новая Польша. 2017. № 7–8. С. 28–32.
- Пасько 2011 — *Пасько Д.* Польский островной диалект жителей дер. Вершина в Сибири // Русско-польские языковые, литературные и культурные контакты. М., 2011. С. 72–90.
- Плотникова 2016 — *Плотникова А. А.* Славянские островные ареалы: архаика и инновации. М., 2016.
- Поляков 2014 — *Поляков Д. К.* Интерференционные процессы и гибридизация в переселенческих говорах // Гибридные формы в славянских культурах. М., 2014. С. 132–147.

- Скорвид, Третьякова 2009 — *Скорвид С. С., Третьякова И. В.* «Тут жил Кирилл, а там — Мефодий...», или Чехи под Новороссийском // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 38. М., 2009. С. 40–54.
- Скорвид, Поляков 2013 — *Скорвид С. С., Поляков Д. К.* О проницаемости грамматической системы в ситуации межязыковой интерференции в говоре потомков чешских переселенцев на Северном Кавказе // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 16. М., 2013. С. 305–337.
- Скорвид 2013 — *Скорвид С. С.* Говор потомков чешских переселенцев на Северном Кавказе как пример лингвоареального дрейфа // Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Минск, 2013 г. Доклады российской делегации. М., 2013. С. 554–568.
- Скорвид 2014 — *Скорвид С. С.* Чешские переселенческие говоры на Северном Кавказе и в Западной Сибири // Славяноведение. 2014. № 1. С. 44–58.
- Скорвид 2015 — *Скорвид С. С.* О «культурных диалектах» и переселенческих говорах чехов на Черноморском побережье Северного Кавказа // Славянский альманах. 2015. Вып. 3–4. С. 368–382.
- Скорвид 2016а — *Скорвид С. С.* О некоторых просодических особенностях говора потомков чешских переселенцев на Северном Кавказе // Балтославянская акцентология: Материалы VII международного семинара. М., 2016. С. 142–158.
- Скорвид 2016б — *Скорвид С. С.* Генезис чешских переселенческих говоров в РФ в свете данных лексической части «Чешского языкового атласа» // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 18. М., 2016. С. 93–111.
- Ananiewa 2007 — *Ananiewa N.* Prasa mniejszości narodowej polskiej (na przykładzie periodyków Ukrainy i Syberii) // *Zeszyty łużyckie*. Т. 41. Europejskie mniejszości etniczne. Łużycanie jako mniejszości narodowe. Część I. Warszawa, 2007. S. 73–88.
- Ananiewa 2012 — *Ananiewa N.* Niektóre właściwości gwary wyspowej na Syberii // *Rozprawy Komisji Językowej Łódzkiego Towarzystwa Naukowego*. Т. 58. Łódź, 2012. S. 5–13.
- Ananiewa 2013 — *Ananiewa N.* Teksty Polaków pisane graždanką w syberyjskiej wsi Wierszyna // *Acta Baltico-Slavica*. Warszawa, 2013. S. 287–298.
- Ananiewa 2015 — *Ananiewa N.* Germanizmy leksykalne w dwóch polskich gwarach wyspowych na Syberii // *Gwary dziś*. Т. 7. Poznań, 2015. S. 169–175.
- Balhar 2002 — *Český jazykový atlas/ Balhar J. (red.)*. Sv. 4. Praha, 2002.
- Balhar 2005 — *Český jazykový atlas/ Balhar J. (red.)*. Sv. 5. Praha, 2005.
- Bělič 1972 — *Bělič J.* Nástin české dialektologie. Praha, 1972.
- Decyk 1995 — *Decyk W.* Próba opisu polskiej gwary we wsi Wierszyna // *Poradnik Językowy*. Z. 8. 1995. S. 20–30.
- Decyk 1997 — *Decyk W.* Uwagi o języku społeczności polskiej w Rosji // *Język poza granicami kraju*. Opole, 1997. S. 109–123.
- Figura 2003 — *Figura L.* Historia i terażniejszość polskiej syberyjskiej wsi // *Wierszyna z bliska i z oddali. Obrazy polskiej wsi na Syberii*. Kraków, 2003. S. 71–132.
- Głuszkowski 2011 — *Głuszkowski M. Verzhina — a Polish village in Siberia. Factors influencing language maintenance under changing social, cultural, economic and political conditions // Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics*. ESUKA — JEFUL 2–1. 2011. S. 157–170.

- Jančáková, Jančák 2004 — *Jančáková J., Jančák P.* Mluva českých reemigrantů z Ukrajiny. Praha, 2004.
- Janečková 1995 — *Janečková M.* Německé přejímky v jihozápadočeské nářeční oblasti // *Jazyk a řeč jihočeského regionu. Sborník katedry českého jazyka IV.* České Budějovice, 1995. S. 18–23.
- Lamprecht 1976 — *České nářeční texty / Lamprecht A. (red.).* Praha, 1976.
- Mitrena-Ulitina 2015 — *Mitrena-Ulitina S.* Język polski mieszkanców wsi Wierszyna na Syberii. Lublin, 2015.
- Skorvid 2016 — *Skorvid S.* Czech immigrant dialects in the Northern Caucasus and Western Siberia // *International Journal of the Sociology of Language.* 2016. Vol. 238. P. 127–143.
- Słowiańskie wyspy... 2013 — *Słowiańskie wyspy językowe i kulturowe / Red. E. Nowicka, M. Głuszkowski.* Toruń, 2013.
- Stupiński 2008 — *Stupiński E.* Geneza polszczyzny w okolicy Krasnojarska // *Rozprawy Komisji Językowej Łódzkiego Towarzystwa Naukowego.* T. LIII. Łódź, 2008. S. 207–217.
- Stupiński 2009a — *Stupiński E.* Wpływy wschodniosłowiańskie na polszczyznę okolic Krasnojarska // *Rozprawy Komisji Językowej Łódzkiego Towarzystwa Naukowego.* T. LIV. Łódź, 2009. S. 197–204.
- Stupiński 2009b — *Stupiński E.* Polszczyzna okolic Krasnojarska. Rozprawa doktorska napisana w Katedrze Dialektologii Polskiej UŁ. Promotor Prof. dr. hab. Sławomir Gala. Łódź, 2009 (рукопись).
- Umińska 2013 — *Umińska A.* Polskie cechy fonetyczne i leksykalne w gwarze wsi Wierszyna (Syberia Wschodnia) // *Słowiańskie wyspy językowe i kulturowe / Red. E. Nowicka, M. Głuszkowski.* Toruń, 2013. S. 27–42.